

БОРОДУЛИН М. В. — в ПОМПОЛИТ
БОРОДУЛИНА А. М. — в ПОМПОЛИТ

БОРОДУЛИН Михаил Васильевич, родился в 1890 в Санкт-Петербурге. В 1912 — окончил Петербургский университет, работал химиком, научный работник. В 1920-х — работал действительным членом, затем — научным руководителем секции химического сопротивления материалов в Институте прикладной химии в Ленинграде; одновременно консультант Института лаков и красок; читал также лекции в Ленинградском индустриальном институте. 27 февраля — арестован, 4 марта выслан с семьей из Ленинграда в Саратов на 5 лет.

В августе 1935 — обратился за помощью в Помполит.

<4 августа 1935>

«4/VIII -1935 г<ода>

Политический Красный Крест

От научного работника
М. В. Бородулина

Заявление

Обращаюсь с просьбой обратить внимание на следующее.

28/II-1935 г<ода> я был арестован в Ленинграде, 3/III был освобожден, а 4/III в оперативном отделе Тр<ойки> У<правления> НКВД с меня взята подписка о выезде с семьей в 3-х дневный срок в Саратов. Куда я и выехал 7/III.

Я совершенно был поражен этим фактом, т<ак> к<ак> не знаю за собой причин, которые бы его объясняли. По происхождению я не дворянин, не из капиталистического класса, сын врача, работавшего в Ленинграде до самой своей смерти в 1919 г<оду> и внук по матери профессора Медицинской академии С. П. Боткина. Никаких средств от родителей не получал и работаю по своей специальности с окончания Университета в 1912 г<оду> как научный работник-химик. Ни разу при Советской власти не привлекался к суду или следствию и не имел ни одного взыскания ни по административной, ни по общественной линии. В царской армии не служил, на территории белых не был, в партийных группировках не состоял; с заграницей и с иностранцами сношений не имел; имел лишь переписку с матерью, жившей в Финляндии и умершей в 1925 г<оду>. Будучи чрезвычайно загружен работой, я даже с родными в Ленинграде почти никогда не виделся. Работая с начала Октябрьской революции в полном контакте с органами Партии и Советской власти, твердо веря в успех строительства Социализма, с увлечением отдавался научно-исследовательской работе и достиг положения крупного специалиста-химика, особенно в области защиты металлов от ржавления. За 20 лет непрерывной работы на этом фронте я провел большое количество ответственных работ как по общегражданской, так и по спец<иальной> линии и имею свыше 60 печатных научных трудов. Все время основным местом моей работы был госуд<арственный> Ин<ститу>т прикладной химии <ГИПХ> в Ленинграде, где я в последнее время был в должности действительного члена, научного руководителя секции хим<ического> сопротивления материалов. Параллельно был консультантом Ин<ститу>та лаков и красок и читал лекции в Л<енин>гр<адском> Индустриальном ин<ститу>те. Активную общественную работу вел непрерывно с 1921 г<ода> главным образом по секции научных работников; в последние годы был председателем

М<ало> Бюро САР ГИПХа. За свою работу неоднократно получал премии. К 15-летию Октябрьской Революции был награжден почетной грамотой ударника — героя пятилетки. Не дальше как 20/XII 1934 г<ода> был введен в президиум общего собрания ГИПХа по перевыборам Ленсовета.

Не понимая причины высылки и даже не предполагая возможность ошибки, я подавал ходатайства о пересмотре дела 2/IV особоуполномоченному НКВД в Л<енин>граде и 8/V Верховному Прокурору РСФСР. 4/VI меня ознакомили в Саратовском НКВД с постановлением Особого Сопещения при НКВД от 4/III 1935, где указывается о том, что я сын дворянина и домовладельца и высылаюсь как социально опасный элемент. На самом деле отец имел лишь право на личное дворянство по чину; домовладельцем же никогда не был ни он, ни я и почему, проработав столько лет беспорочно, я стал социально опасным элементом, мне не понятно. Вследствие этого и, не имея еще ответа на свои ходатайства, я решил написать новое заявление. Будучи совершенно больным и находясь тогда в больнице, я смог его составить лишь 21/VI. Подано оно было моей сестрой 17/VII в секретариат Верх<овной> Прокуратуры в Москве, комн<ата> 227, тов<арищу> Бабанову. Уже после этого я получил извещение от Верх<овной> Прокуратуры от 2/VII о том, что мое ходатайство оставлено без последствий. На заявление, посланное в Ленинград, я вообще ответа не получил.

Обращаюсь к Вам в настоящее время просьбой, если у Вас есть возможность, оказать содействие в удовлетворении моего последнего заявления и тем помочь мне снова начать работать с полным использованием своих знаний и ответа. В настоящее время я этого не могу. Лишившись при выезде квартиры, заработка и почти всего домашнего имущества, я с семьей из 5 человек (жена, двое детей, тетка 66 лет) оказался в самом тяжелом материальном положении. В апреле я получил работу на Саратовском заводе щелочных аккумуляторов, но не по прямой специальности. По прежней же своей специальности я имею договор с издательством "Химтеорет" на составление книги "Неметаллические защитные покрытия", срок представления — 1 октября, но едва ли я смогу его выполнить, т<ак> к<ак> дома приходится ютиться впятером на площади 16 кв<адратных> метров и вести литературную работу нет никакой возможности. Пишу урывками, задерживаясь на заводе. Помещение, которое мы занимаем в частном доме, очень тесное и обходится непосильно дорого, а зимой, вероятно, условия жизни в нем будут совсем невыносимы. Все эти тяжелые условия, а главным образом, угнетенное моральное состояние вызвали у меня обострение хронической болезни печени, в июле я должен был лечь в больницу, где находился более полмесяца, но, тем не менее, остался больным.

Между тем я хочу еще работать с пользой. Думаю, что великие лозунги тов<арища> Сталина о решающем значении кадров, о необходимости заботливого отношения к людям, овладевшим техникой, должны относиться и ко мне. Главным для себя я считаю восстановление доверия и снятие с меня клейма административно ссыльного. Обращаюсь к Вам с просьбой, в интересах справедливости и целесообразного использования кадров, оказать в этом возможное содействие.

Прилагаю при настоящем заявлении дочери моей А. Бородулиной. У нее и старой тетки О. Г. Сиренко при моем выезде из Ленинграда отобрали паспорта, а, как оказалось впоследствии, на них высылка не распространялась. Убедительно прошу и на это заявление обратить соответствующее внимание.

М. Бородулин.

Саратов, Кладбищенская ул<ица>, 44»¹.

В августе 1935 — в Помполит обратилась за помощью А. М. Бородулина, дочь Михаила Васильевича Бородулина.

<8 августа 1935>

«Политический Красный Крест

От ученицы 9 класса
А. М. Бородулиной

Заявление

7-го марта мой отец, научный руководитель Гос<ударственного> Ин<ститу>та Прикладной Химии должен был выехать из Ленинграда по распоряжению НКВД. Перед этим милиция 23-го отделения явилась к нам на квартиру и отобрала у всей нашей семьи паспорта, в том числе и мой за № ЛА 485083, выданный 23 отд<елением> милиции, когда мне исполнилось 16 лет. Из-за этого я должна была уехать и бросить среди года школу, где была на лучшем счету. В прошлом году за общественную работу получила премию от района — фотографический аппарат. В Саратове в 14 П.С. Школе оказалось очень трудно приспособиться, в следствие затруднений с новыми учебниками и весьма недоброжелательного отношения администрации и педагогов ко мне, очевидно, как приехавшей в административном порядке. Между тем выяснилось, что по постановлению Особого Сопещения при НКВД от 4-го марта должны были выехать в Саратов только отец и мать. По предложению Саратовского НКВД отец послал 4/IV заявление в Л<енин>град о возвращении мне и тете О. Г. Сиренко паспорта, но ответа до сих пор никакого нет. Таким образом, я нахожусь без всякого вида на жительство, и уже в школе весной из-за этого были затруднения, а летом мне предлагали работу на заводе и не могли меня взять из-за этого же.

Я уже родилась после Октябрьской революции, воспитывалась при Советской власти и ни в чем перед ней не виновата. Хочу работать со всеми честными гражданами.

Поэтому прошу обратить внимание на сделанную со мною ошибку и восстановить меня во всех правах.

А. Бородулина.

4/VIII - 35 г<ода>.

г<ород> Саратов, Кладбищенская ул<ица>, 44»².

В 1937 — Михаил Васильевич Бородулин работал заведующим лабораторией на заводе № 195. 28 октября 1937 — арестован, 14 ноября приговорен к ВМН и 16 ноября расстрелян³.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1391. С. 160-161. Автограф.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1391. С. 159. Автограф.

³ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.